

1987, 21 февр.
ПОИСКИ И НАХОДКИ

Его напутствовал Шолохов

В те дни немцы не били пленных. Только убивали...

Убивали за поднятый оуток на дороге.

Убивали, чтобы тут же стащить с мертвого шапку и валенки.

Убивали за голодное пошатывание в строю на этапе.

Убивали за стон от нестерпимой боли в ранах.

Убивали ради спортивного интереса, и стреляли не парами и пятерками, а большими этапными группами, целыми сотнями...

Так описывает жизнь советских военнопленных, оказавшихся в тяжелом 1941 году по разным обстоятельствам в фашистских концлагерях, писатель Константин Воробьев в повести «Это мы, господи!..». Опубликована в десятой книжке журнала «Наш современник» за прошлый год, а была написана в 1943 году. Автор поведал о муках плена, что довелось пережить и самому. Воробьев прошел лагерный ад, умирал в бараке от тифа, вынес мор голодом...

Кровь холодит в жилах описанная им сцена: на тринадцатые сутки гитлеровцы загнали в лагерь к вымирающим раненую лошадь. «И бросилась огромная толпа пленных к несчастью животному, на ходу открывая ножи, бритвы, торопливо шаря в карманах хоть что-нибудь острое, способное резать или рвать движущееся мясо... А когда народ разбежался к баракам, на месте, где пять минут тому назад еще ковыляла на трех ногах кляча, лежала грудка кровавых теплых костей и вокруг них около ста человек убитых, задавленных, раненых...»

Правду рассказать всегда трудно. Особенно правду о войне. Человек на фронте умирал или выживал, оступался или возвышался как только он один мог и никто другой. И разное случалось. Каждый бой нес не только радость победы, он готовил кому могилу, кому медсанбат или госпиталь. Только третьего не желал допускать солдат — оказаться в фашистском плену, боялся забвения. Но обстоятельства оказывались сильнее. Особенно в первые месяцы войны.

Такой правды о жизни военнопленных мы не читали. Правды беспощадной, страшной, но тем и ценной для всех восставших и невосставших. В муках и пытках плена, какие не вынести, казалось, человеку, мы видим и осознаем нестигаемую стойкость советского солдата. Кому-то, наверное, не понравится описываемое, а то и возмутит — так привыкли к показному, приглаженному, что оно и принимается уже за истину. Но послушайте, что говорят о войне ветераны, когда заходит речь о ней в их узком кругу...

Интересна судьба самой повести. Обнаружила ее в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР аспирантка Ленинградского университета И. Петракова. На берега Невы Ирина Владимировна приехала учиться из Владивостока, работала в Дальневосточном университете преподавателем литературы. Интересовалась особо современной советской прозой, в том числе военной. В частности, творчеством и К. Воробьева. На эту тему и диссертация.

Работая над ней, Петракова решила ближе познакомиться с вдовой писателя, Верой Викторовой, которая живет в Москве и хранит архив мужа. Разговорились в один из дней о книгах «...И всему роду твоemu» и «Убиты под Москвой». Тогда и узнала Ирина Владимировна о повести «Дорога в отчий дом». Экземпляр ее хранится в семье писателя, но исчез. После смерти Константина Дмитриевича искали родные, да безуспешно. Мог ее Воробьев и сжечь в минуты отчаяния.

Рукопись повести он направил сразу после войны в журнал «Новый мир». Редакция отклонила произведение с просьбой доработать и дать в полном объеме. Дело в том, что Константин Дмитриевич обещал и вторую часть. Повесть Воробьеву была

очень дорога, он стремился как-то воздать память тем, кто не вынес плена, кто был расстрелян, умер от голода. И писал ее по горячим следам, бежав из Шяуляйского концлагеря и прикнув к группе партизан в оккупированной гитлеровцами Литве. Там и познакомился с Верой Викторовой, позже она стала его женой. Доработав рукопись, дав ей название «Дорога в отчий дом», Воробьев послал ее на отзыв Михаилу Шолохову.

Но опубликовать повесть так и не удалось. Ко всему началась горькая полоса — рукопись писателя московские рецензенты разносят, как пишет он сам фронтовому другу, «вышибают недозволенными приемами перо из рук, никак не могу привыкнуть к оскорблениям...». В минуты отчаяния, когда и жить не хотелось, долго ли произведение выбросить в корзину или сжечь...

И все же Петракова решила съездить в ЦГАЛИ, посмотреть архив журнала «Новый мир». И не прогадала. Среди других рукописей писателя, известных нам по изданиям, нашла Ирина Владимировна и первоначальный экземпляр повести. Вместе с повестью хранилась в архиве переписка автора с редакцией «Нового мира». В ней Воробьев подчеркивает, что произведение автобиографично, а главный герой Сергей Костров — это сам автор, а не собирательный образ. «Я не ставил перед собой цели чисто художественными средствами довести до читателя идею вещи — сопротивлению советского человека плену, — продолжает писатель далее. — И, напротив, стремился отбросить эффектные литературные затеи и рассказать то, что было на самом деле в жизни Сергея. Я полагал, что если взять все это былое за сюжет для художественного произведения (даже для опытного писателя), то повесть неминуемо потеряла бы элемент правдивости и убедительности...»

Ждала Петракову еще одна удача. В личном архиве писателя сохранились письма Шолохова к Воробьеву. Теперь известно уважительное, совестливое отношение великого писателя к судьбе начинающего прозаика. «Я иного мнения о «Дороге в отчий дом», — читаем в письме от 12 ноября 1948 года, — рукопись можно печатать, но при условии серьезной переработки. — Нечего греха таить, есть у Вас и натурализм, и другие «смертные» грехи, и, главное, неумение по-настоящему компоновать вещь, но у кого из начинающих на первых порах было это самое проклятое умение, и у кого из них не было «смертных» грехов.

Все дело в том, что сами Е.л. безусловно, с работой такого объема не справитесь. Вам нужны в помощь суровые и умные руки знающего редактора — литератора... В случае неудачи черкните мне письмишко... и тогда, при очередной поездке в Москву, я постараюсь договориться с СП, чтобы Вам помогли...»

Переписка их не оборвалась. Потому что в другом письме, датированном концом следующего года, М. Шолохов пишет Воробьеву: «„Дорогу“ и не думайте уничтожать! Путнику всякая дорога годится, и — чем черт не шутит, когда солдат спит — быть может, сгодится и Вам со временем уже пройденная «Дорога». Всякое бывает!».

И вот спустя 40 лет повесть представлена журналом «Наш современник» на суд читателей под названием «Это мы, господи!..». Почему такой заголовок? — может возникнуть вопрос. Дело в том, что Константин Дмитриевич после неудач с опубликованием вещи все же намеревался использовать рукопись для главной своей книги с той же темой — советский человек в плену. И предполагал дать ей название «Это мы, господи!..». И вдова, и сотрудники журнала, готовя произведение к печати, остановили выбор на последнем.

Лейтенант Сергей Костров возвращается к нам. Теперь уже навечно...

В. СЕНИН